

ВЛАСТЬ.
УБИЙСТВО.
ЛЮБОВЬ.

V
VANCE CAPITAL

GOOD
FOOD
GOOD
PEOPLE

David Reed
1965 - 2021

V
VANCE CAPITAL

CONFIDENTIAL

СДЕЛКА НА ДОВЕРИЕ

— SUNNAT MUSAYEV —

Sunnat Musayev

Сделка на доверие

«Автор»

2026

Musayev S.

Сделка на доверие / S. Musayev — «Автор», 2026

Калеб Рид привык жить тихо после смерти отца. Но однажды в его жизнь приходит Виктория Вэнс — богатая и влиятельная владелица инвестиционной империи. Она предлагает ему сделку: расшифровать архив, оставленный его отцом. Калеб отказывается, но вскоре в закуской раздаются выстрелы. Кто-то готов убивать, лишь бы архив никогда не был открыт. Теперь Калеб и Виктория вынуждены объединиться. Их расследование приводит к тайным счетам, миллиардам и предательству внутри компании. Но чем ближе они подходят к убийце, тем сложнее Калебу доверять Виктории. Чтобы раскрыть правду, им придётся заключить сделку. Но цена этой сделки может оказаться слишком высокой — ведь на кону не только правда, но и их любовь.

© Musayev S., 2026

© Автор, 2026

Sunnat Musayev

Сделка на доверие

Глава 1

СДЕЛКА НА ДОВЕРИЕ

Автор: SUNNAT MUSAYEV

ЧЁРНАЯ КАРТА

Дождь в Бруклине не просто шёл — он бил по асфальту с такой яростью, словно пытался пробить город насквозь и смыть его грехи в канализацию. Тяжёлые капли хлестали в грязное, покрытое жирной пылью окно закусочной на пересечении Флэтбуш-авеню и Дин-стрит, размывая неоновую вывеску мотеля напротив в кроваво-красное пятно. Внутри пахло пережаренным маслом, дешёвым цикорием, мокрым дерматином и чьей-то застарелой тоской.

Кaleb механически водил влажной тряпкой по стойке из поцарапанного искусственного дерева, стирая следы от чашек. Движения были размеренными, почти гипнотическими. В этом ритме не оставалось места для мыслей. В нём не было места для прошлого.

Ему нравилась эта анонимность. Здесь, в прокуренном дайнере, он был просто парнем за стойкой, который отлично готовит яичницу, не задаёт лишних вопросов и всегда заступает на вечернюю смену, когда остальные спешат домой к семьям. Никто из завсегдатаев не знал, кем он был до того, как пять лет назад в деловой хронике появилось короткое, ни к чему не обязывающее сообщение о «скоропостижной кончине» финансового аналитика. Никто не знал, что под форменной рубашкой с нелепым пятном от кетчупа скрывается человек, умевший читать глобальные рынки и скрытые финансовые потоки так же легко, как другие читают утренние газеты.

Но тот человек умер вместе с отцом.

Оставшийся в живых просто вытирал стойку. Каждый раз, когда он мыл посуду или чистил картошку, в памяти всплывали цифры. Цифры, которые отец нашёл в своих таблицах. Цифры, за которые убивают. Кaleb знал, что правда где-то здесь, в этом городе, но понимал: стоит потянуться к ней — и руки обожжёт. Поэтому он выбрал огонь на кухне. Выбрал запах дешёвого масла вместо запаха денег и крови.

Бросив тряпку в раковину, он вытер руки о передник и посмотрел на настенные часы. Полвторого ночи. Посетителей почти не осталось: в дальнем углу дремал старый портовый грузчик, а у края стойки молча доедал вишнёвый пирог таксист с тяжёлым взглядом. Тишина, нарушаемая лишь гудением старого холодильника да барабанной дробью дождя. Идеальное время, чтобы остаться наедине со своими призраками.

Кaleb прикрыл глаза, и перед ним снова возникло лицо отца — Дэниела Рида. Спокойное, уставшее лицо человека, который слишком много знал и потому должен был исчезнуть. Полиция закрыла дело за неделю, списав всё на самоубийство. Абсурд, который проглотили все, кроме сына. Кaleb знал: отец панически боялся высоты и никогда не держал в доме оружия. Он не мог свести счёты с жизнью. Его убили.

Пять лет Кaleb потратил на то, чтобы стать невидимкой. Чтобы те, кто стер отца с лица земли, решили, будто единственный наследник — лишь сломленный горем парень, который спился и исчез. Он сменил три штата, прежде чем осесть здесь, в самом сердце рабочего Бруклина, подальше от стеклянных башен Манхэттена, где правили капитал и смерть.

Колокольчик над дверью звякнул.

Звук прозвучал резко, чужеродно для вязкой, сонной атмосферы дайнера. Кaleb открыл глаза, и тело среагировало быстрее сознания. Плечи напряглись, вес перекатился на носки, а взгляд мгновенно скользнул к черному ходу, оценивая дистанцию. Старые привычки умирали последними.

Но в дверях стояла не полиция и не люди из чёрных седанов, снившиеся ему в кошмарах. Это была женщина.

Она вошла так, словно ступила на борт собственной яхты. Ветер швырнул ей под ноги поток дождевой воды, но она не обратила на это никакого внимания. Длинное кашемировое

пальто цвета мокрого асфальта, безупречная осанка, волосы, собранные в строгий узел, и зонт, стоимость которого превышала годовую выручку этого заведения.

Она совершенно не вписывалась в окружающую обстановку, выглядя хищником, случайно забредшим в загон.

Кaleb почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от страха — от инстинктивного узнавания чужой власти. Эта женщина привыкла не просто отдавать приказы, а подчинять себе обстоятельства.

Она медленно обвела взглядом помещение. В её глазах мимоходом проскользнула безгласность при виде липкого пола и облупившихся стен, но тут же сменилась холодной целеустремлённостью. Таксист у стойки поднял глаза, но сразу опустил их, почувствовав чужую опасную силу. Женщина шла точно по маршруту. Она знала, куда идёт и кто её ждёт.

Ее взгляд миновал спящего грузчика и зафиксировался на Калебе.

Воздух в закуской словно стал гуще. Гудение холодильника, шум дождя, шипение масла — всё отступило на задний план. Остались только её глаза: тёмные, глубокие, хранящие глубокую усталость, которую не могла скрыть дорогая косметика, и стальную волю.

Она не стала делать заказ и не взглянула на меню.

Пройдя через зал, женщина остановилась у кабинки прямо напротив стойки. Её каблук цокали по линолеуму с размеренным стуком: цок, цок, цок.

Кaleb не шелохнулся. Лишь слегка опёрся руками о деревянную поверхность, готовый в любую секунду перемахнуть через барьер. Он не знал, кто она, но прошлое, от которого он скрывался пять лет, только что переступило порог.

Женщина медленно сдвинула со стола солонку и перечницу, не отрывая от него взгляда, и села. Положила на потёртую столешницу ухоженные руки с безупречным маникюром и впервые заговорила. Голос звучал низко, с лёгкой хрипотцой, и в нём не было ни капли тепла:

— Ты так и не научился прятаться, Кaleb, — произнесла она, и имя, которое он не слышал вслух пять лет, повисло в воздухе, тяжёлое, как свинец. — Нам нужно поговорить о твоём отце.

Кaleb не ответил сразу. Он смотрел на неё — на эту женщину в кашемировом пальто, которая произнесла имя его отца так, словно это был всего лишь пункт в повестке дня деловой встречи. Пальцы, сжавшие край стойки, побелели, но лицо осталось спокойным. Слишком спокойным. Он научился этому за пять лет. Лицо — это щит. Если щит дрогнет, враг поймёт, куда бить.

— На моём бейджике написано «Кaleb», если вы не заметили, — наконец произнёс он ровным, почти скупающим голосом. — Но, кажется, вы ошиблись адресом, мисс. Здесь подают только кофе и яичницу. Разговоров по душам в меню нет.

Женщина не дрогнула. Угол её рта дёрнулся — не улыбка, скорее тень усмешки, короткая и холодная, как лезвие скальпеля.

— Ты всегда был плохим актёром, Кaleb. Даже когда тебе было девятнадцать и ты пытался убедить профессора, что не списывал курсовую. Ты до сих пор сжимаешь левый кулак, когда врёшь. Посмотри вниз.

Кaleb невольно опустил взгляд. Его левая рука действительно была сжата в кулак, костяшки пальцев побелели. Он медленно разжал пальцы, чувствуя, как по коже разливается холодное, липкое раздражение. Она наблюдала за ним. Не просто смотрела — изучала. Как хищник изучает добычу, которую пока не решил, стоит ли догонять.

— Кто вы? — спросил он, и в его голосе впервые прорезалась настоящая, неподдельная жёсткость. — И как меня нашли?

Женщина медленно, почти лениво сунула руку во внутренний карман пальто. Кaleb дёрнулся — инстинкт, выжженный годами ожидания удара в спину. Но она достала не оружие.

На стол между ними лёг тонкий прямоугольник пластика. Матово-чёрный, без единого логотипа, без имени, без номера. Только крошечный золотой чип тускло блеснул под неоновым светом. Кaleb узнал эту карту. Он видел такие пять лет назад, в сейфе отца, среди документов, которые Дэниел Рид берёт пуще собственной жизни. Такие карты не выпускали для обычных клиентов. Их создавали для тех, кто сам решает, сколько денег ему нужно. Лимита на них не существовало.

— На этой карте пятьдесят миллионов долларов, — сказала женщина ровным голосом, словно называла цену чашки кофе. — Это только аванс. Ещё четыреста пятьдесят миллионов — полмиллиарда чистыми — ты получишь сразу после того, как сделаешь то, о чём я прошу.

Кaleb смотрел на чёрный пластик. Пятьдесят миллионов аванса и полмиллиарда в финале. Сумма, способная перевернуть финансовые рынки нескольких стран. Деньги, за которые можно купить не просто новую жизнь, а собственную небольшую островную империю с личной армией и полной неприкосновенностью. Сумма, которая подтверждала одно: ставка в этой игре гораздо выше, чем он думал.

— И что же я должен сделать? — спросил он, удивившись тому, насколько спокойно прозвучал голос.

Женщина чуть наклонилась вперёд. Свет упал на её лицо, и Кaleb впервые разглядел его полностью: высокие скулы, тёмные, почти чёрные глаза, тонкие, плотно сжатые губы. Красивая. Холодная. И очень, очень уставшая.

— У твоего отца был файл, — произнесла она. — Зашифрованный. Я знаю, что он существует. Я знаю, что он у тебя. Мне нужно, чтобы ты его расшифровал.

Воздух между ними сгустился. Кaleb почувствовал, как внутри тяжело поднимается гнев. Тихий, раскалённый, как лава под коркой остывшей земли.

— Вы пришли сюда, — сказал он очень тихо, — в мою жизнь, в место, где я пытаюсь просто существовать, и предлагаете мне сотни миллионов долларов за файл моего отца. Которого убили.

— Я предлагаю тебе деньги за правду, — отозвалась она, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на сталь. — Твой отец оставил этот файл не для того, чтобы он пылился в подвале. Он оставил его, чтобы кто-то его прочитал.

— Мой отец оставил его, — медленно, по слогам произнёс Кaleb, — чтобы его убийцы однажды за это заплатили.

Он взял чёрную карту двумя пальцами, словно нечто грязное, и сдвинул обратно к ней через стол.

— Я не продаюсь, мисс. Ни за пятьдесят миллионов. Ни за полмиллиарда. Ни за всю вашу чёртову империю. Заберите карту и убирайтесь из дайнера. Пока я не передумал и не вызвал полицию.

Женщина смотрела на возвращённый пластик. Её лицо не изменилось: ни разочарования, ни злости. Только непроницаемая усталость в глазах. Она медленно подняла карту и убрала во внутренний карман.

— Ты думаешь, я пытаюсь тебя купить, — сказала она. Это не был вопрос.

— Я знаю, что вы пытаетесь меня купить, — отрезал Кaleb. — Все вы одинаковые. Сначала деньги. Потом угрозы. Потом пуля в затылок, как моему отцу.

На мгновение ему показалось, что в её глазах мелькнуло что-то настоящее. Не расчёт. Не холод. Что-то похожее на боль — быструю, острую, тут же спрятанную за маской. Но он не успел в этом разобраться.

Женщина медленно встала. Её пальто развернулось тяжёлыми складками. Она посмотрела на него сверху вниз — не с высокомерием, а со странной, почти материнской жалостью.

— Ты ошибаешься во мне, Кaleb Рид, — произнесла она. — Я не пытаюсь тебя купить. Я пытаюсь тебя спасти.

— От кого? — усмехнулся он.

Она не ответила. Её взгляд скользнул ему за спину — к окну, к улице, к ночи за стеклом. И в этот момент Калёб понял. Увидел то, что заметила она.

За окном, сквозь пелену дождя, на другой стороне улицы стоял чёрный седан. Он находился там уже минут десять: с выключенными фарами, но с работающим двигателем — Калёб слышал его глухое, ровное урчание сквозь шум дождя. Заднее стекло было чуть опущено. Достаточно, чтобы вести наблюдение.

За ними.

Женщина медленно выдохнула. Её рука снова скользнула во внутренний карман пальто, но на этот раз Калёб знал: она достанет не карту.

— Они нашли меня быстрее, чем я думала, — тихо произнесла она. — И теперь нашли тебя.

Калёб обернулся к окну. Седан не шевелился, но в тусклом свете уличного фонаря он увидел блеск металла в приоткрытом проёме. Длинный, тонкий ствол с глухим матовым отблеском.

Вовсе не бинокль.

Внутри щёлкнул тумблер. Пять лет тишины, прятков и ожидания закончились в одну секунду.

— Ложись! — рявкнул он.

И в то же мгновение окно закусочной разлетелось на тысячи сверкающих осколков.

Первое стекло разлетелось раньше, чем Калёб успел докричать «ложись». Оно взорвалось — не от прямого удара, а от кинетической энергии пули, прошедшей окно насквозь. Вторая пуля врезалась в стену за стойкой, выбив фанерный щит и подняв облако древесной пыли. Третья прошла в дюйме от его головы. Калёб слышал её тонкий, почти женский визг — звук, о котором ему когда-то рассказывал дед-ветеран.

Он не раздумывал. Он действовал.

Пять лет ожидания схлопнулись в одну точку. Пять лет попыток сбежать от тени собственного отца превратились в чистое, кристальное знание: это не случайность. Не ограбление. И не сумасшедший с улицы. Пришли за ними.

Он перемахнул через стойку, в два прыжка достигнув кабинки. Женщина не успела встать — её рука находилась на полпути к внутреннему карману пальто. Калёб схватил её за воротник и рванул вниз.

— На пол! — рявкнул он. Голос звучал так, как не звучал пять лет. Словно вернулся человек, привыкший принимать решения за секунды.

Она послушалась без вопросов и паники. Упала на липкий линолеум рядом с ним, и это удивило его больше всего. Обычные люди в таких ситуациях замирают или кричат. Эта женщина легла безупречно: прижалась к полу, закрыла голову руками, свернулась в комок, минимизируя силуэт.

Она знала, что так будет.

Мысль пролетела и растаяла — времени на неё не оставалось. Четвёртая пуля прошла потолок, и штукатурка посыпалась им на спины. Снаружи, сквозь разбитое окно, Калёб заметил движение. Две фигуры: чёрные куртки, перчатки, оружие в руках. Они двигались профессионально — перебежками, от укрытия к укрытию. Наёмники.

— Кухня, — выдохнул Калёб, ползком таща её к служебной двери. — Сейчас. Не вставай.

Они передвигались по полу под прикрытием стойки. Пули продолжали входить в стены — короткие, отрывистые очереди. Стреляли из пистолетов-пулеметов с глушителями: слышался не грохот, а глухие, сухие щелчки, будто кто-то забивает гвозди в сырое дерево.

Достигнув служебного входа, Калёб рванул дверь на себя, втянул женщину внутрь и запер засов. На кухне пахло пережаренным жиром и хлоркой. Старый холодильник привычно гудел.

— Задний выход, — бросил он на бегу. — Через склад. Не останавливайся.

Они пронеслись между стеллажами с консервами. Калёб на ходу схватил со стола массивный разделочный нож — паршивое оружие против огнестрела, но лучше, чем ничего. Толкнув дверь склада плечом, они вывалились в узкий темный коридор.

В основном зале раздался звон осыпающихся осколков — нападавшие проникли внутрь через окно. Послышались тяжёлые, чеканные шаги. Двое. Возможно, трое.

— Быстрее, — прошипел Калёб.

Он рванул аварийный выход. Дверь распахнулась с пронзительным визгом несмазанных петель, прозвучавшим в тишине как выстрел. Они вылетели в переулок. Хлеставший дождь мгновенно промочил одежду до нитки. Мокрый асфальт блестел под тусклым светом единственного фонаря.

Калёб сжал запястье женщины и потащил её к противоположному концу переулочка. Лёгкие жгло, пульс стучал в висках, но мозг работал чётко и холодно. Переулок. Выход на Дин-стрит. Направо — тупик. Налево — Флэтбуш. Там люди. Там свет. Там они не станут открывать огонь.

Они бежали. Каблуки женщины цокали по лужам — она каким-то чудом удерживала равновесие. Калёб оглянулся: из служебной двери выскочила тёмная фигура, за ней вторая. Они передвигались быстро, но стрелять не спешили — в переулке было слишком тёмно, а кругом темнели окна жилых домов.

Они пытаются сработать без лишнего шума. Им нужна чистая ликвидация.

Это осознание должно было вызвать страх, но вместо него пришло странное, почти забытое спокойствие. Он знал эти правила. По ним играли те, кто уничтожил его семью.

— Сюда! — Калёб дёрнул женщину за угол, выходя на Флэтбуш-авеню.

Они выскочили на проспект. Свет неоновых вывесок, редкие машины, прохожие под зонтами. Такси, затормозившее у обочины. Мир, живший своей обычной жизнью, пока в сотне метров отсюда вершилось покушение.

Калёб остановился, прижавшись спиной к кирпичной стене под навесом закрытого магазина. Женщина замерла рядом. Они стояли в тени, тяжёло дыша, мокрые и дрожащие от адреналинового отката.

Он впервые по-настоящему посмотрел на неё. Строгая причёска распалась, по щеке текла тонкая струйка крови от пореза стеклом. Кашемировое пальто вымазалось в грязи и штукатурке. Но глаза оставались прежними: тёмными, стальными, без тени паники.

— Ты как? — спросил он.

Она медленно кивнула и вытерла кровь со щеки тыльной стороной ладони, даже не поморщившись.

— Они пришли за мной, — произнесла она. Не вопрос — факт.

— Они пришли за нами обоими, — отрезал Калёб. — Ты пришла в мой дайнер и привела их за собой.

Она не стала спорить или оправдываться. Лишь посмотрела на него в упор — долго, изучающе, словно оценивая результат.

Затем произнесла тихо, без единой дрожи в голосе:

— Теперь ты понимаешь, почему я пришла именно к тебе.

Калёб молчал. В конце переулочка уже мигали синие вспышки полицейских мигалок — кто-то из соседей вызвал патруль. Чёрный седан, без сомнения, успел раствориться в ночных улицах.

Он посмотрел на женщину, на её холодное лицо, где не было ни раскаяния, ни страха. Только жёсткий расчёт.

И в этот момент всё встало на свои места.

Они знали про файл. Не просто догадывались. Знали. Иначе налётчики не появились бы так быстро. Иначе они не открыли бы огонь на поражение. Иначе эта женщина не положила бы перед ним карту без лимита.

Кто-то точно знал, что зашифрованный архив Дэниела Рида существует. Кто-то знал, у кого лежит ключ. И этот кто-то был готов стереть с лица земли любой квартал, чтобы добраться до информации.

Калёб медленно выдохнул. Дождь смывал с него пять лет чужого имени, пять лет добровольного заточения и иллюзии безопасности.

Прятки закончились.

— Пошли, — сказал он, сжимая кулаки. — Здесь нам оставаться нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.